

ЦЕНИТЕЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ МАРИ БЕНЕДИКТ,
САРЫ ПЕННЕР И ЭЛИЗАБЕТ ГИЛБЕРТ ПОРАДУЕТ ГЛУБОКОЕ ПОГРУЖЕНИЕ
В МЕДИЦИНУ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Одри Блейк

Ша
ОСТРИЕ
СКАЛЬПЕЛЯ

Иностранка. Роман с историей

Одри Блейк

На острие скальпеля

«Азбука»

2022

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Блейк О.

На острие скальпеля / О. Блейк — «Азбука»,
2022 — (Иностранка. Роман с историей)

ISBN 978-5-389-33500-4

Нора Биди, воспитанница талантливого хирурга Хораса Крофта, в мужском обществе выглядит как белая ворона. Но что она может сделать? В престижном Болонском университете, где она обучается медицине, ее окружают только мужчины, которым не нравится, что на их дело посягает девушка, чей удел — сидеть дома и рожать детей. Все меняется, когда Нора объединяется с Магдалиной Маренко, единственной женщиной-врачом среди университетских преподавателей. Вместе они пытаются усовершенствовать революционную операцию кесарева сечения. Процедура крайне опасная, исследования требуют огромного напряжения, но еще тяжелее дается Норе презрительная реакция мужчин. Большинство из них готовы отказать в медицинской помощи даже собственным женам, лишь бы не допускать к операции дерзкую выскочку. Не добавляет радости и тоска по родному Лондону, где девушка оставила любимого Дэниела и своего стареющего наставника. Ведя борьбу сразу на всех фронтах, Нора упорно стремится изменить мир и заслужить право на любимую профессию.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33500-4

© Блейк О., 2022

© Азбука, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Одри Блейк

На острие скальпеля

Посвящается Джекффу, моему незаменимому помощнику. Целую и обнимаю

Посвящается Карине и Кейше, матери и дочери, знающим, что любовь сильнее смерти. Вы вдохновляли меня и помогли меняться

© Н. Б. Буравова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

Глава 1

Для тех, кто обращался в болонский Гранде-Оспедале-делла-Вита-э-делла-Морте ¹, боль была явлением обычным, но сегодня в толпе бедолаг, жаждущих исцеления, это особенно бросалось в глаза. Нора привыкла к виду измученных тел, которые хромали и ковыляли самостоятельно или которых приносили на Виа-Рива-ди-Рено из переулков Квадрилатеро. Сегодня утром она тоже направлялась по узким средневековым улочкам к Гранде-Оспедале, но быстрым и решительным шагом, а не как эти испуганные больные и истекающие кровью страдалцы, которые бесконечной чередой день за днем тянулись к больнице из трущоб.

Проблема заключалась в том, что даже при самом внимательном отношении, блестяще поставленном диагнозе и умелом лечении слишком многое зависело от везения. Нора опытным взглядом окинула приемную, молча молясь, чтобы не ошибиться. Жизнь и смерть. Как бы ни царапали слух и душу все эти вопли, мольбы и завывания, они были не так важны, как вызвавшие их причины, которые следовало определить быстро и точно. Пропустишь скрытую лихорадку, не посадишь пациента в карантин, и болезнь начнет распространяться по воздуху и поражать остальных. Сломанные кости, хоть и причиняют мучительную боль, могут подождать.

– *Dottoressa* ². – К рукам Норы потянулся мальчик, державший на руках совсем маленького ребенка. Доктором она пока еще не была, но от такого обращения залилась румянцем. Скоро, совсем скоро она будет иметь полное право так называться.

– *Un momento* ³, – ответила Нора, и взгляд ее скользнул с мальчика на прислонившуюся к дверям больницы женщину. Ее скорчившийся силуэт вырисовывался на фоне вечернего солнца, а дыхание было тяжелым и неровным, как гаммы, которые извлекает из клавиш ребенок, из-под палки набивающий на пианино надоевшие упражнения. Забыв о кровоточащей ране на щеке малыша, Нора поспешила к женщине. – Синьора, что с вами?

Женщина явно бедна, и у нее явно схватки, но здесь бедняки рожают дома. Они не тащатся, придерживая животы руками, по жарким, пыльным улицам в больницу, особенно сейчас, когда в палатах полно рожистого воспаления, чрезвычайно заразного. Из-за этого многие потенциальные пациенты избегали обращаться за помощью, поскольку слухи о смертельных случаях распространялись среди горожан молниеносно.

– Уже целый день с ночью прошли. Мне нужна помощь. – Женщина запаленно охнула и стиснула зубы, изнемогая в новой схватке, которая началась всего через несколько мгновений после предыдущей.

– Пьеро! Быстрее! – позвала Нора, подставляя женщине плечо. При таком раскладе они могут и не успеть попасть внутрь. Пьеро, самый крепкий санитар, вбежал с креслом на колесах, забрал женщину и, не сбавляя шага, промчался мимо стойки регистрации. Не обращая внимания на протесты в толпе ожидающих пациентов, он повез роженицу по коридору в женское отделение. Нора бежала вслед за ним. Не найдя в палате свободной кровати, она поспешно соорудила ширму.

– А ведь времени-то у нас, похоже, не так и много, верно? – прошептал Пьеро Норе. – Наверное, лучше просто оставить ее в кресле.

Девушка нахмурилась, вспомнив слова женщины. Прошли день и ночь.

– Осталось недолго, – сказала она роженице. О чем та только думала, отправляясь сюда? – Положи ее на стол, чтобы я могла взглянуть, – велела она Пьеро.

¹ Большой приют жизни и смерти (*ит.*). – Здесь и далее примеч. пер.

² Доктор (*ит.*).

³ Минутку (*ит.*).

Несмотря на объемистые формы и мучительные стоны пациентки, Пьеро с легкостью взгромоздил ее на стол, пока Нора раздвигала в стороны стопки чистого белья, пузырьки со свежеприготовленной мазью и аккуратно спрессованные пилюли из аптеки сестры Мадонны Агнес. Освободив необходимое для работы место, Нора поспешно подняла рваные юбки женщины, подолы которых были того же неизменного ржаво-коричневого цвета, что и все в этом городе. И замерла от удивления, поскольку ожидала увидеть головку, но, судя по всему, еще даже воды не отошли, а когда она попыталась нащупать плод, то обнаружила, что шейка матки почти не раскрыта.

Что-то, должно быть, отразилось у нее на лице, потому что женщина приподнялась на локтях и прищелкнула языком, привлекая внимание Норы.

– Я умру? – требовательно поинтересовалась она.

– Конечно, нет, – возразила Нора, притворяясь, что нисколько не озадачена и не встревожена. – Как тебя зовут?

– Уф-ф, да этот ребенок меня просто убивает, – вместо ответа пожаловалась женщина после очередного стона. Она стискивала кулаки, приподнимаясь, пока схватка не прошла, а затем без сил рухнула на стол.

– Ты уже рожала? – спросила Нора.

– Четыре раза. Двое детей выжили, – выдохнула она. – Никогда не было никаких проблем, а тут... – Лицо у нее исказилось, и она снова уплыла в другую реальность, полную всепоглощающей сосредоточенности и боли.

Пьеро бросил на Нору вопросительный взгляд, на который у нее не нашлось ответа. Последние тридцать лет всех студенток-медичек Болонского университета либо с самого начала направляли учиться акушерству, либо в конечном счете все равно сосредоточивали на нем. Для них считалось естественным отрабатывать навыки на других женщинах, поэтому Нора посещала дополнительные лекции, училась и старательно оттачивала мастерство. Но сейчас она не знала, как поступить, а жизнь этой женщины была ей дороже самолюбия.

– Ума не приложу, что делать, – прошипела Нора. – Во имя... Приведи же кого-нибудь! – Ее знаний не хватало для решения проблемы; впрочем, даже она понимала, что времени осталось мало. Хотя самой ей пока не доводилось сталкиваться с затяжными родами, Нора знала, что они опасны возможными конвульсиями, кровоизлияниями, родильной горячкой.

– Кого позвать-то? – непонимающе посмотрел на нее Пьеро.

– Да кого угодно. Разве не видишь, что я не сумею помочь? – Профессор Перра хорошо справлялся с трудными родами. Да и сестра Паула Бенедикт. Хорошо бы кто-нибудь из них оказался неподалеку. Щеки у Норы горели от стыда и разочарования в себе, когда Пьеро умчался прочь. Она позвала палатную сестру Марию Челесту и попросила принести горячую воду и тряпки. Вдвоем с жилистой монахиней они перевернули роженицу на бок и принялись давить ей на спину, но безрезультатно. И тут мимо ширмы, вызывая шурша юбками и на ходу расстегивая манжеты, прошла другая женщина. Нора никак не могла ее признать, хотя в руках незнакомка держала врачебный саквояж.

– Ну, что тут у вас? – требовательно спросила женщина. Высокая, черные кудри небрежно собраны, чтобы не лезли в лицо во время работы; мягкая линия подбородка резко контрастирует со строгими бровями, сосредоточенно сдвинутыми.

Сестра Мария Челеста вздохнула с облегчением, и Нора немного расслабилась. Кем бы ни была незнакомка, сестра ей доверяла.

– Я не уверена, – призналась Нора. – Схватки идут почти непрерывно, интервал менее тридцати секунд.

– Понятно, – прервала врач. – И шейка, полагаю, почти не раскрылась, иначе вы бы не послали за мной. Таз женщине измеряли?

– Нет, я только шейку проверила, – сказала Нора, покраснев. – У нее уже было четверо родов, так что размеры, думаю, достаточные.

– Предыдущие роды не означают, что организм не может измениться. Посмотри на нее, – бросила врач. – Шея короткая, спина сутулая. Надо уметь распознавать такие признаки. – Она решительно отодвинула Нору от стола. – Дай-ка я ее осмотрую, – и без лишних слов запустила руку пациентке под юбку. Нора бросила страдальческий взгляд на Пьеро, который беззвучно прошептал: «Dottoressa» – поверх согнутой спины врача.

– Так я и думала, – заявила незнакомка через мгновение. – Кости разрушаются. Плохое питание. У нее в тазу менее пяти сантиметров прямого размера и ненамного больше поперечного⁴. – Она протянула руку и начала рыться в открытом саквояже Норы.

Нора ее не остановила. Она читала о случае, когда после многочисленных родов таз у женщины сузился, но забыла об этом, пока загадочная dottoressa так резко не напомнила ей.

– У меня нет крючка для краниотомии, – тихо произнесла девушка. Она видела, как в Лондоне врачи делали такую операцию, рассекая череп плода и по частям извлекая ребенка из чрева в надежде спасти мать, но не думала, что к этой процедуре придется прибегать здесь, поскольку католическая церковь ее запрещала.

Доктор удивленно покосилась на нее.

– Боже правый, надеюсь, он и не понадобится. – Она достала скальпель и осмотрела лезвие. – Крючок, – с презрением буркнула женщина себе под нос и передернула плечами. – А ты, вероятно, та самая англичанка, которая экспериментирует с эфиrom. Приготовь иглы, пока я переговорю с пациенткой. Будем делать кесарево.

Нора, потупившись и сжав руки, молча кивнула, потому что сказать было просто нечего. Кесарево сечение казалось ей не более реальным, чем морские чудовища в сказках. В Англии был известен один зарегистрированный случай, когда мать и ребенок выжили. История случилась почти сто лет назад и больше напоминала легенду, чем научный факт. Рассказывалось в ней о сельской акушерке по имени Элис О’Нил, которая вместо скальпеля использовала бритву, а зашивала разрез портновской иголкой и обычными шелковыми нитками, которые ей принес муж роженицы, пробежав для этого целую милю. Здесь, на континенте, кесарево сечение не считалось мифическим, но все еще оставалось редкой и смертельно опасной операцией. За год, проведенный в Болонье, Нора не видела ни одного такого случая, да и не ожидала увидеть.

Должно быть, страх отразился у нее на лице, потому что врач, склонив голову набок, внимательно посмотрела на девушку.

– Ни разу не присутствовала при кесаревом?

– Нет, – призналась Нора, съжившись. Ну вот, теперь ее прогонят или пошлют за более компетентным ассистентом.

– Сможешь следовать указаниям?

Нора кивнула, словно ребенок, готовый на все, лишь бы избежать подзатыльника.

– Хорошо. Я вот, например, еще не пробовала работать с эфиrom, а у тебя, слышала, в этом плане богатый опыт.

Нора открыла было рот, но брови женщины поползли вверх, и девушка пробормотала:

– Да, сию минуту, – и бросилась за своим испарителем.

– Все, она отключилась, – сообщила Нора через пять минут и убрала испаритель от лица роженицы. – Я использовала двадцать капель. Это должно дать нам... – Она осеклась: врач уже делала разрез.

⁴ Имеются в виду расстояние между серединой нижнего края лонного сочленения и верхушкой копчика (прямой размер выхода таза, в норме равный 9,5 см) и расстояние между внутренними поверхностями седалищных бугров (поперечный размер выхода таза, в норме равный 11 см).

– Позже расскажешь о своем чудо-средстве. Сейчас работать надо, – отрезала доктор.

– Но мы же не проверили, действительно ли она без сознания! – охнула Нора, ужаснувшись размеру разреза. Также они не замерили пульс и частоту дыхания, крайне важные для безопасного использования эфира.

– Она без сознания, – отчеканила врач. – Вон, даже не дернулась. В таких затяжных родах нельзя терять ни минуты. С расширителями мне понадобится твоя помощь.

Нора подскочила к своему саквяжу.

– Мои ближе. Там, на столе, рядом с ногами. – Врач нетерпеливо дернула головой, и девушка потянулась через нее и принялась шарить в путанице юбок, пока не нащупала нужный инструмент. – Ты загораживаешь мне свет, – рявкнула врач. – Послушай, я знаю, что тебе уже доводилось участвовать в операциях, поэтому постарайся не вести себя как зеленый новичок.

Нора стиснула губы, чтобы унять дрожь, и, как могла быстро и тщательно, протерла разрез губкой. Потом приготовила расширители и замерла в ожидании дальнейших распоряжений.

– Пошевеливайся же. Я уж сто лет как перевязала сосуды.

– Прошу прощения, доктор... – Нора помедлила, надеясь, что сама врач или сестра Мария Челеста продолжат и назовут имя. Но никто не ответил.

– Губку.

Нора снова протерла губкой разрез. Он шел продольно между лобковой костью и ребрами, на дюйм правее пупка. Неужели врач оперирует вслепую? Или она все-таки что-то предприняла, дабы не рассечь плаценту? Кровотечение вызывало тревогу, но, как понимала Нора, при повреждении плаценты сейчас они были бы уже по локоть в крови.

– А как вы...

– Мне нужно больше места. Тяни сильнее.

Нора потянула за расширители, глядя на кровавистую жидкость, вытекающую из раны. Даже осмелюсь она открыть рот, выразить опасения было бы просто некогда. Врач протиснулась мимо, глубоко погрузив руки в разрез. Нора содрогнулась. Эта женщина действовала без капли скромности и осторожности, в точности как Листон и Викери, лондонские хирурги, известные быстротой работы и безрассудством.

– У ребенка лицевое предлежание, – бормотала тем временем врач. – Ну надо же, одни неприятности сегодня. – Она потянула с заметным усилием и вытащила плод, весь в крови и первородной смазке. Тоненькие ручки и ножки новорожденной девочки резко раскинулись в стороны, словно лучи морской звездочки.

– Жива! – Нора вдруг поняла, что забыла дышать, выдохнула и почувствовала, как отпустило напряжение в груди.

– погоди радоваться, – буркнула врач, протягивая сестре Марии Челесте младенца, уже вопящего во все горло. Затем схватила иглу и протолкнулась мимо Норы, резко бросив: – Ты снова мне мешаешь.

Не дожидаясь третьего предупреждения, Нора отступила назад, хотя ей очень не хотелось терять из виду края разреза и быстро, почти беспорядочно летающую иглу. Врач зашивает разрез послойно? А каким швом? Нора знала, что кесарево сечение главным образом опасаются применять из-за того, что пока не придумали достаточно прочный шов, который мог бы выдержать сильные схватки, когда выходит послед, но при этом минимально травмировал роженицу и не вызвал болевого шока или заражения. Слабые швы разойдутся, разрезанная матка распахнется – и вот, пожалуйста, получите сепсис, а затем долгую и мучительную смерть.

«Ты все рассмотришь, когда будешь накладывать повязку», – мысленно сказала себе Нора, но в нужный момент ее отправили к голове пациентки проверять пульс и дыхание, а повязку поручили наложить сестре Марии Челесте.

– Через сколько времени она проснется? – все тем же требовательным тоном поинтересовалась врач.

– Наверняка сказать не могу, но теперь уже скоро, – ответила Нора, жалея, что не может доложить точнее. Однако расплывчатый ответ все же лучше ошибки, поэтому она придержала язык, когда врач недовольно поджала губы.

Между осмотрами Нора молча протирала инструменты и промывала губки. Зрачки роженицы реагировали нормально, и теперь, когда Нора уколола ей палец, она пошевелилась.

– Еще минуту-другую, не больше, – рискнула предположить девушка.

Врач кивнула, продолжая давать указания сестре Марии Челесте:

– Кормить пациентку только жидкой пищей. Бульон, молоко, ячменный отвар, столько, сколько сможет выпить. И внимательно следить за повязкой.

Женщина застонала.

– Все хорошо. У тебя все хорошо, и у ребенка тоже, – произнесла Нора, наклоняясь ближе. Поначалу слова получались отрывистыми и неуклюжими, поскольку девушка и сама не ожидала, что произнесет их, но потом стало значительно легче. – Лежи спокойно. Тебе нужно отдохнуть.

Глаза роженицы широко распахнулись, слепо обводя комнату. Влажная рука нащупала запястье Норы и сомкнулась на нем с поразительной силой, но быстро ослабела. Женщина была в смятении.

– Тише-тише, – пробормотала Нора, прерывая испуганный лепет на непонятном диалекте итальянского. Увидев, что врач рядом с ней хмурится, она добавила: – Иногда больные, приходя в себя после наркоза, совершенно теряются.

– Да, мне рассказывали.

Врач наблюдала, как Нора успокаивает женщину и выясняет, как ее зовут. Пациентка назвала только одно имя: Лючия.

– Тебе сделали операцию, – сообщила ей девушка, увидев, как роженица ошарашенно шарит пальцами по сдувшемуся животу. – Твоя дочь жива и здорова, и, как только швы заживут, вы обе вернетесь домой, – заверила она женщину, идя рядом с носилками, которые несли двое санитаров.

– Вон там есть свободная кровать, – сообщила Норе сестра Мария Челеста. – Где раньше ваша девчонка лежала с ошпаренными руками.

Значит, рожа унесла еще одну жизнь.

– Простыни свежие, – подтолкнула Нору локтем сестра Мария Челеста.

– Да-да. Спасибо. Я прослежу, чтобы Лючию устроили.

Когда Нора вернулась к столу, ширму уже убрали, а женщина-врач складывала инструменты в сумку.

– Вообще-то не следовало давать Лючии столько надежд, – хмуро заметила она. – Наобещать легко, однако надежды могут и не сбыться, а неоправданный оптимизм только вредит репутации врача.

– Но ведь операция прошла успешно, – возразила Нора. – Выздоровление – процесс всегда сложный, и разве не следует подбодрить человека?

– Я бы не стала питать излишних иллюзий. Женщина измотана. Она рожала слишком долго. А это не предвещает ничего хорошего. – Врач со щелчком захлопнула саквояж. – Твой эфир все же пригодился. Без него, думаю, болевой шок уже убил бы ее.

Нора искоса посмотрела на нее.

– Вы им раньше не пользовались?

– Нет. Я была в Египте, от чахотки лечилась. И вернулась в Болонью только на прошлой неделе, – ответила врач как ни в чем не бывало.

– Вот как. – Норе и без того было не по себе, а от такого пояснения стало еще хуже. А как реагировать, когда другой врач запросто сообщает о своей смертельной болезни? Но, по крайней мере, цвет лица у нее хороший. Да нет же, она просто воплощение здоровья: такая привлекательно пухленькая и не кашлянула ни разу. – Похоже, время, проведенное за границей, пошло вам на пользу. Я бы никогда не догадалась. – Нора скованно улыбнулась, не придумав ничего лучше.

– Спасибо. Думаю, на этот раз меня не было достаточно долго. Я, знаешь ли, уже уезжала два года назад, но без работы начинаю скучать и становлюсь раздражительной, что и сама прекрасно вижу. При этом просто поразительно, сколько женщин умудряются начать рожать, стоит мне появиться поблизости.

Нора хотела что-нибудь ответить, но ограничилась улыбкой, поскольку подвело воображение. Затем она вспомнила, что удивило ее несколько мгновений назад.

– Вам приходилось делать кесарево без обезболивания?

Женщина бросила на Нору странный взгляд.

– А как еще мне было его делать?

Нора мысленно прокрутила в памяти события последнего часа, припоминая отрывистые команды женщины.

– Но я думала, что вы делали операцию живым матерям.

– Так и есть.

– И они не умирали?

– Довольно редко. – Врач закатила глаза. – Поверь, успешный исход вполне возможен при наличии правильных навыков и капельки везения. Вы, англичане, такие упрямые.

– Вовсе нет, – возразила Нора, хотя обратное разумелось само собой. Разве в ином случае оказалась бы она здесь?

– Да, признаю, твое умение обращаться с эфиром просто удивительно. Очень хотелось бы узнать больше. – Взгляд врача излучал необыкновенную доброту, и Нора решила:

– Может, когда вы станете описывать этот случай... – Но тут же потерянно смолкла, услышав пренебрежительное фырканье врача.

– Описывать? Думаешь, у меня на это будет время? К тому же я говорила, что не в восторге от шансов Лючии. Если нет иного способа извлечь ребенка, разрез лучше делать сразу, как только начнутся первые схватки, а то и раньше, чтобы оба не были так измотаны.

– И все же ваше мастерство...

– Оно, безусловно, достойно внимания всех известных тебе английских хирургов, в той или иной степени занимающихся акушерством. Но никто из них не станет читать мою статью, так в чем смысл? Я описала достаточно много успешных случаев, чтобы другие могли при желании освоить эту технику.

– В самом деле?

Казалось, вопрос Норы разозлил врача, которая ответила нарочито ровным голосом:

– Да. Если не получится отыскать мою книгу по акушерству, то ты легко найдешь книгу моей матери. Возможно, ты о ней слышала: «Новое искусство...»

– Так вы дочь доктора Маренко? Той самой, из Баньякавалло? – невежливо перебила Нора. Книга у нее имелась, правда старая и потрепанная. Приводимые в ней описания кесаревых сечений и уверенные рассуждения Маренко были для Норы столь же пугающими, сколь и увлекательными, хоть практической пользы имели мало, поскольку она не понимала фраз вроде: «Разрез у синьоры Б. был сшит обычным способом». Тайна маточного шва терзала девушку, словно зудящая сыпь. А теперь разгадка была совсем близко.

Ответная улыбка собеседницы скорее напоминала гримасу.

– Да. Так и есть.

– Я и не знала, что доктор Маренко – женщина.

– Ты еще многого не знаешь, – отрезала ее наставница. – Во всяком случае, знаешь недостаточно, чтобы помогать женщинам, которым понадобится твоя забота. Нам еще предстоит работать вместе, и я буду признательна, если в следующий раз ты лучше подготовишься и будешь меньше путаться под ногами.

Нора сглотнула.

– Да, доктор...

– Маренко, – подсказала хирург, потянувшись за полотенцем и принялась вытирать руки. – Мне рассказывали о тебе, ученице Хораса Крофта. – Она отбросила полотенце в сторону. – Кое-что ты, конечно, умеешь, но я ожидала большего. Будь здесь, пока пациентка не сможет выпить немного бульона.

Глава 2

Нора не могла вспомнить, какого святого болонцы чувствуют сегодня, но в этот раз не возражала против перерыва в больничной и университетской рутине. Возможность провести день с миссис Фиппс, английской экономкой, которая нянчилась с ней с детских лет и вместе с воспитанницей отправилась в Болонью, выпадала нечасто.

По прибытии в Италию миссис Фиппс со свойственными ей живостью и изобретательностью объединила всех живущих поблизости англоязычных женщин и теперь большую часть времени проводила с небольшой группой покинувших родину британок, куда вошли также одна американка и одна француженка, говорящая на четырех языках. Однако сегодня миссис Фиппс настояла, чтобы Нора присоединилась к их прогулке, или, говоря точнее с учетом неожиданно накатившей жары, к их побегу на зеленые холмы за городом. К удивлению пожилой дамы, Нора обулась первой. Ей и в самом деле хотелось отдохнуть от критических взглядов, которые каждый день устремлялись на нее со всех сторон.

– Я рада, что ты поедешь с нами, – заявила миссис Фиппс, когда воспитанница забралась в тележку, где уже сидели все ее *signore inglesi*⁵. – Тебе непременно нужно расслабиться.

– Да, и сегодня для этого просто идеальный день, – согласилась Нора, оглядывая небо и усаживаясь рядом с мадам Бушар, которая часто помогала девушке переводить отрывки из медицинских книг. Они обменялись приветствиями, но повозка еще не успела выехать за пределы города, а Нора уже вернулась мыслями в больницу, перебирая в памяти события прошедшей недели. Интересно, у нее просто разыгралось воображение или другие студенты стали еще более недоброжелательными? Вчера вечером, например, Умберто Сагезе сложил все лекарства для клизм на самую дальнюю полку, куда Норе ну никак не дотянуться. Пришлось принести табуретку, чтобы достать касторовое масло, но даже так девушка не добралась до пузырька и чуть не упала, а когда обернулась, увидела кучку хихикающих сокурсников.

Кипя от гнева, но внешне полная достоинства, она протянула руку в сторону Бартоломео Поцци, самого молодого и самого высокого из сокурсников, которого происходящее вроде бы забавляло меньше всех.

– Пациенту требуется лекарство. Снимите его и положите там, где до него можно будет дотянуться.

Но Сагезе, как всегда холодный и высокомерный, не дал Поцци выполнить просьбу.

– Пусть препарат остается в пределах досягаемости только тех, кому положено.

Поцци пробормотал, что хочет помочь монахиням, и выполнил просьбу Норы, но досада все еще жгла ей грудь.

– Хорошо, что ты взяла с собой рисовальные принадлежности, – сказала экономка, толкая Нору под локоть. – Ты уже давно не рисовала пейзажей.

Нора вдруг развеселилась. В последнее время она и в самом деле изображала одни только матки в больничном морге и размышляла о том, как их лучше вскрыть, а затем снова зашить, но в кругу почтенных дам признаваться в подобном опыте не стоило.

Мадам Бушар одобительно кивнула.

– В прошлый раз ты не поехала с нами, Нора, а виды там замечательные.

– Уверена, они мне понравятся. – Нора откинула шляпку на затылок и подставила лицо солнцу. В Лондоне домоправительница никогда бы не согласилась, чтобы ее везли в тележке, словно капусту на рынок, но здесь, под палящим солнцем, вытянув ноги и наблюдая, как дорога убегает вдаль позади, а не впереди, миссис Фиппс выглядела почти по-детски безмятежно. Она

⁵ Английские дамы (*ит.*).

теперь гораздо свободнее зашнуровывала корсет и даже занялась рисованием, на что прежде у нее никогда не хватало времени.

Когда путницы добрались до места, их встретила еще одна женская компания, а на колючей траве уже пестрели лоскуты разноцветных одеял, к которым Нора вместе с миссис Фиппс добавили свое. Остальные раскладывали еду и веерами отгоняли надоедливых мух.

Нора сунула руку в до смешного огромную корзину для пикника, собранную их хозяйкой, синьорой Карничелли. В емкости, где поместился бы ребенок, лежали, помимо одеяла, салат из помидоров, ветчина, бутылки с лимонадом, буханка хлеба с узором в виде венка на плотной золотистой корочке, еще один салат, из огурцов и дыни, набор венских пирожных, виноград, бутылка вина, вилки, тарелки, сервировочные ложки, салфетки и бокалы двух видов.

– Она никак целую армию собиралась кормить, – заметила Нора. Под салфетками вдобавок обнаружилась банка с оливковой пастой и еще одна, с клубничным вареньем, а также сверток из промасленной бумаги, видимо с сыром.

– Ничего, зато будет чем поделиться, – отозвалась миссис Фиппс.

Нора сидела на одеяле, прикрыв юбкой скрещенные ноги и с сомнением поглядывая на других дам в почти одинаковой экипировке, которые деловито раздавали тарелки. Было одновременно странно и приятно слышать, как вокруг порхают английские слова.

Американке миссис Кросс помогала раскладывать торт незнакомая Норе юная пухленькая девушка с приятным лицом. Миссис Фиппс окинула ее оценивающим, но вполне доброжелательным взглядом.

– Сегодня в нашей компании новенькая. Кто твоя спутница, Сьюзен?

Миссис Кросс выпрямилась и ответила, не дав девушке и рта раскрыть:

– Моя племянница, мисс Клара Пэрриш, из Филадельфии. Приехала погостить у меня несколько месяцев. – И снисходительно улыбнулась родственнице.

– Как мило с вашей стороны пригласить ее, – одобрила Нора.

Темные глаза Клары смущенно скользнули по собравшимся.

– Я просто жажду познакомиться с итальянским искусством и архитектурой. Языка совершенно не знаю, но с радостью это исправлю. Готова буквально впитать в себя все библиотеки, если смогу.

– Тогда позвольте мне помочь вам с итальянским, – предложила мадам Бушар. – Если вы готовы потрудиться, то существует множество доступных библиотек.

У Клары загорелись глаза, а улыбка Норы из вежливой превратилась в искреннюю. Еще одна студентка.

– Мадам Бушар – превосходный переводчик, – добавила Нора. – Какие предметы вас интересуют, Клара?

Клара перевела взгляд на свою фарфоровую тарелку.

– Все. Но мой отец – юрист. Очень хотелось бы почитать итальянские книги о государственном управлении и законах и сравнить с нашими. Должно быть захватывающе интересно. Я очень много читала об английском парламенте и Гражданской войне.

Миссис Патрик одернула платье на своей внушительной фигуре и промокнула блестящую от пота шею.

– Как необычно. Среди нас целых две женщины-ученые. – Увидев на лице Клары вопрос, она указала на Нору: – Можете мне не верить, но вот мисс Биди учится в местной медицинской школе.

Взгляд Клары стал пристальным.

– И в самом деле, верится с трудом. Как вы... В голове не укладывается!

Миссис Фиппс незамедлительно преисполнилась привычной гордости.

– Она большой талант. Впрочем, это вполне естественно, учитывая, что ее воспитывал лучший хирург Лондона.

– И одна добрейшая женщина, – тихо добавила Нора.

– Вы хотите сказать, что изучаете настоящую хирургию? Например, как отпиливать ноги? – Клара порозовела, оглядываясь вокруг.

– Я изучаю все разделы медицины, – ответила Нора, старательно обходя стороной кровавые подробности.

– Да, кстати... – вдруг резким и властным тоном заговорила миссис Рассел. – Я давно собиралась попросить вас глянуть мое плечо. У меня руки не поднимаются выше подбородка и с трудом скрещиваются перед грудью. А я ведь не падала, ничего не ломала и не ушибалась ни руками, ни плечами, точно помню.

– Показать можете? – попросила Нора, нерешительно протягивая руку.

Миссис Рассел кивнула, и девушка положила кончики пальцев на обтянутое шелком плечо. Женщина подняла руку всего градусов на шестьдесят и тут же скривилась от боли, а Нора почувствовала, как сустав скрипнул.

– Скорее всего, артрит плеча, – сообщила она, сочувственно покачав головой. – Боюсь, тут мало что можно сделать. Со временем суставы начинают работать хуже: их словно заедает. Немного легче становится от ментоловой мази. У меня здесь нет возможности сделать такую, но сестра Мадонна Агнес из больницы приготовит ее для вас.

А дальше, как всегда, распахнулись двери импровизированной лечебницы. У миссис Патрик обнаружилась болезненная бородавка на подушечке большого пальца ноги. Миссис Чэтем спросила про дочь, у которой уже четыре месяца нет менструаций, а миссис Райли пожаловалась на головные боли, возникающие в полуденную жару. Поскольку это был все-таки не прием в больнице, Нора продолжала с удовольствием жевать, внимательно слушая и кивая, дамы же между тем подробно описывали свои болячки.

– Вот уж никогда бы не подумала, что женщина может стать врачом, – протянула Клара, когда медицинские вопросы закончились. – Я мечтала представлять дела в суде, но это невозможно даже в Америке, где, как мне нравится думать, существует некоторая свобода идей.

– Вы стали бы адвокатом, будь у вас такой шанс? – спросила Нора, отвлекшись от мадам Бушар, которая интересовалась, как можно вывести пятна на руке.

Все смолкли, а Клара виновато свела брови.

– Не знаю, хотела бы я стать адвокатом, но с удовольствием защищала бы интересы тех, кто лишен возможности знать законы. Меня давно интересует работа английской комиссии по соблюдению закона о бедных, которая занимается защитой медицинских прав неимущих. В Филадельфии есть места, где бедняки – самые угнетенные и страдающие люди. Если бы можно было что-то сделать...

– Решением, конечно, является благотворительность, – вмешалась миссис Патрик. – Благотворительность подобна повязке, без которой не обойтись при ранениях, хотя было бы лучше не получать ранений вовсе. Если бы законы лучше защищали детей от жестокого обращения на фабриках и в детских домах...

– Поведение людей законами не изменить, – заявила миссис Рассел. – И бедных меньше не станет.

Клара нахмурилась, на круглом лице отразилось упрямство.

– Тогда зачем же вешают убийц, миссис Рассел, и сажают в тюрьму воров? Разумеется, для того, чтобы изменить поведение если не самих осужденных, то хотя бы тех, кто вздумает повторять их ошибки.

– Ну, знаете, милочка, повешение – неподходящая тема для обсуждения в дамском обществе, – оцетинилась миссис Рассел. – Я весьма ценю советы мисс Биди, но вовсе не хочу слушать рассказы о вскрытиях.

– А по-моему, очень глупо разделять темы на мужские и женские, – оборвала ее мадам Бушар. – Просто одни вещи достойны обсуждения, а другие нет.

Миссис Рассел скривилась, демонстрируя свое отношение к французскому образу жизни. Мисс Баннинг, незамужняя дама лет сорока, с тоской посмотрела на собравшихся.

– А на мой взгляд, мисс Пэрриш, читайте на здоровье все, что вам нравится. Я вот в юности мечтала заниматься музыкой и вместе с братом играла на виолончели. Причем была талантливее, но на обучение в Австрию отец отправил его, а не меня. Я бы все отдала, чтобы играть в оркестре.

– Некоторые женщины так и поступают, – тихо заметила Нора.

– Я упустила свой шанс. – Улыбка старой девы стала жалкой, а потом и вовсе увяла. – Отец отказывал мне со слезами на глазах. Признался, что очень сожалеет, но дочь не стоит таких расходов. – Ее взгляд остановился на Норе. – Вот бы он познакомился с вами. Может, стал бы думать по-другому. Впрочем, это было более двадцати лет назад. Времена изменились.

– В самом деле? – с сомнением пробормотала Клара и повернулась к Норе: – До сих пор не понимаю, как вам разрешили учиться медицине. В американские колледжи женщин не принимают...

– И в английские тоже. Мне пришлось уехать из Лондона, когда в гильдии хирургов узнали, что мой опекун, доктор Крофт, обучал меня своей профессии.

– Вас привлекли к ответственности? – Клара, стоявшая на коленях, даже наклонившись вперед.

– К счастью, нет, хотя доктору Крофту грозили и штрафом, и судом. Знаете, в каком-то смысле это даже хуже: наказывать и игнорировать одновременно, как животное или маленького ребенка. Меня сделали «девочкой для битья», хотя я провела успешную операцию и спасла человеку жизнь. – Нора постаралась не покраснеть от гнева и не стискивать челюсти, но ни то ни другое ей не удалось. – В итоге я стала не героиней, а посмешищем.

– Не все так думают, – прервала ее миссис Фиппс. – Здесь-то ты именно поэтому.

Нора натянуто улыбнулась.

– Ваша правда. Профессор Перра, который преподает в Болонском университете, но в то время находился в Лондоне, предложил мне место и настоял, чтобы доктор Крофт оплатил мое обучение на факультете, куда женщин допускают. – «Хоть и встречают неприветливо», – добавила она про себя с горечью.

Миссис Патрик наполнила ее стакан лимонадом.

– Вот уж не думала, до чего удобно иметь в нашем чайном кружке женщину с медицинским образованием. Может, леди, обученная другим наукам, тоже будет полезна? – И она рассмеялась, признавая собственную непрактичность.

Миссис Рассел отвела взгляд и поджала губы. Сомнение на лице почтенной матроны ясно давало понять, что лично ей консультироваться с Норой по поводу боли в плече удобно, но вот предлагать другим женщинам последовать ее примеру будет лишним.

– Может, этюдники достанем? – Миссис Патрик окинула взглядом открывающийся вид. – В конце концов, мы сюда для этого и приехали, и я не хочу упустить шанс запечатлеть такую красоту.

Воздух наполнился одобрительными возгласами и шорохом юбок, поскольку большинство женщин последовали ее примеру.

Наблюдая за миссис Фиппс, которая устроилась с этюдником между миссис Рассел и миссис Патрик, Нора решила вместо туманного города вдалеке, обрамленного древними руинами, нарисовать свою маленькую сухонькую воспитательницу. Вид у той был умиротворенный, довольный: ей явно нравилось место, в котором они сейчас все находились и о котором Нора прежде и мечтать не могла. Позже с наброска можно будет написать миниатюру и отправить домой, доктору Крофту и его ассистенту Дэниелу, с которым у нее сложились нежные отношения. Мужчины будут рады взглянуть на портрет миссис Фиппс, по которой наверняка очень скучают. Да и миссис Рассел можно изобразить: если чуточку смягчить ее резковатые

черты и убрать кое-какие морщинки (собственно говоря, точного соответствия никто не требует), это будет для дамы куда приятнее, чем познания Норы в области суставов и артрозов. Девушка разложила брусочки угля и отодвинулась, чтобы остаться в тени, пятачок которой быстро уменьшался по мере того, как солнце приближалось к зениту.

Клара, заявившая, что рисовать не умеет, устроилась рядом с Норой.

– А что родные думают о ваших необычных увлечениях? – спросила она, наморщив лоб.

– Я сирота. А мой опекун, доктор Крофт, поначалу и правда не хотел отпускать меня из Англии, но потом все же согласился. Он никогда не препятствовал моему интересу к медицине. Мне кажется, он даже не знал бы, что со мной делать, если бы я увлекалась чем-то другим.

– Какое счастье! – Глаза у Клары распахнулись. – Простите, я, конечно, не о ваших родителях. А лишь о том, что нашлась родня, которая вас приняла и поддержала...

– Я поняла, что вы имеете в виду, – заверила девушку Нора. – Но доктор Крофт мне не родня. Он просто врач, который лечил мою семью во время эпидемии холеры тысяча восемьсот тридцать второго года. Мои родители, бабушка и младший брат тогда умерли, и заботиться обо мне было некому, вот Крофт и забрал меня к себе. Они с миссис Фиппс спасли меня сначала от смерти, а потом от участи лондонской сироты, которая, пожалуй, была бы еще хуже. – В те времена Хорас Крофт, не придумав ничего лучшего, беспечно принес еле выжившую малышку домой, а позже, когда Нора выздоровела, миссис Фиппс не позволила доктору сплавить ее в приют. Более того, со временем эта девчушка стала им необыкновенно дорога, как и они ей. Представив себе вечно взъерошенную бороду Хораса, его седые волосы, торчащие мальчишескими вихрами, голубые глаза, горящие восторгом открытия, Нора улыбнулась. – Для ребенка такая жизнь была необычной. Доктор Крофт то и дело неосторожно оставлял где попало фрагменты своих работ. И постоянно пропадал либо с пациентами в лечебнице, либо на вскрытии в анатомичке. Но знаете, будь он обычным человеком и постарайся оградить меня от своей работы, я бы никогда ничему не научилась. – Она понизила голос: – Я благодарю Бога за встречу с моим наставником.

Нора покосилась на других женщин. Все либо увлеченно рисовали, либо болтали друг с другом. Они с Кларой могли спокойно разговаривать, не опасаясь, что их подслушают.

– Вам сколько лет? – спросила она у новой подруги.

– Двадцать два, – ответила Клара.

– Мне двадцать пять. Вот мой совет: займитесь юриспруденцией. Если не пытаться самой найти выход, ничего и не получится. – Она перевела взгляд с Клары на миссис Фиппс, внимательно вглядываясь в профиль пожилой экономки, прежде чем перенести на бумагу плавный изгиб линии ее волос.

Клара поерзала на согнутых коленях.

– Мама уверяет, что я не смогу выйти замуж, если примусь изучать нечто столь противоестественное для женщины.

Нора прочистила горло.

– Я ничего не знаю об Америке, но очень привязана к одному успешному хирургу... – Перед глазами вдруг всплыло лицо Дэниела, и у нее перехватило дыхание. Девушка даже глаза закрыла от нахлынувшей острой тоски по возлюбленному. Уж он-то разобрал бы вчерашних студентов за насмешки над ней.

– Так, значит, вы и замуж выйдете, и хирургом станете?

– Не вижу причин, почему бы мне этого не сделать, – откликнулась Нора, уязвленная скептицизмом Клары, – хотя не знаю, как получится у вас с юридической практикой: сможете ли вы в этом состязании сравняться с мужчинами. У меня никогда не будет таких же широких возможностей, как у моих сокурсников мужского пола, даже если я добьюсь успеха и получу медицинскую степень – а я упрямая, я ее получу во что бы то ни стало. Но способы развернуться все же есть. – Она представила, как доктор Маренко с яростной властью отдает при-

казы пациентам, монахиням, санитарам и коллегам-врачам. – Нам, женщинам, следует проявлять изобретательность.

Клара поджала тонкие губы, наблюдая, как Нора рисует.

– А врач, к которому вы так привязаны, не возражает?

– Пытался поначалу. – Нора стряхнула крошку с запястья и вдохнула теплый аромат с виноградников. Первый высокомерный взгляд, которым Дэниел Гибсон ее одарил, когда только-только заявился младшим хирургом в дом Хораса, настолько отличался от взгляда, которым он провожал девушку на корабль, направлявшийся в Италию, что воспоминание о нем тогдашнем теперь казалось карикатурой на ее Дэниела. – Обнаружив мои таланты, он был потрясен. Но, подчиняясь доктору Крофту и желая сохранить свое место в его лечебнице, не решился протестовать слишком явно. В конце концов мы пришли к взаимопониманию.

Взаимопонимание? Какое слабое, банальное слово, неспособное описать ощущения, возникшие, когда Дэниел впервые поцеловал ее после их первой совместной операции, но этим Нора не собиралась делиться с мисс Кларой Пэрриш, хотя их трудности были весьма схожи. Этот момент был слишком личным, как и тот, когда Дэниел поздно ночью застал ее за вскрытием. Хотел прогнать, они повздорили, но каким-то образом все закончилось тем, что Нора орудовала скальпелем, а новоявленный коллега помогал, придерживая легкие.

Погрузившись в воспоминания, Нора замерла, рука с карандашом повисла над рисунком. Вместо дам в ярких платьях, расположившихся на одеялах вокруг, она увидела, почувствовала Дэниела, сидящего рядом на потертом парчовом диване в ее последнюю ночь в Лондоне.

– Не двигайся, – велела тогда Нора, указательным пальцем приподнимая ему подбородок всего на полдюйма. – Да, вот так.

Потом взяла золотистую пастель вместо каштаново-коричневой и снова сосредоточилась на рисунке, растушевывая блики на волосах. За последние полчаса Дэниел придвинулся ближе, быть может и сам не замечая, как уменьшалось расстояние между ними, но она чувствовала каждый исчезающий дюйм. Пожалуй, стоило отложить краски в сторону и обнять любимого, пока он так близко. Ведь завтра ее здесь уже не будет.

Но никак нельзя взять с собой поцелуи, да и самые яркие воспоминания тоже померкнут. А этот рисунок будет ей утешением, улыбаясь со стены какого-нибудь итальянского дома.

– Почти готово, – пробормотала она, обращаясь как к себе, так и к нему.

Нельзя уехать, не воспроизведя на бумаге этот широкий лоб и прекрасные каштановые волосы. Его губы, обычно сурово сжатые, научились непринужденно складываться в улыбку, и именно эту мягкую, интимную улыбку она хотела увезти с собой.

– Ты не должна никому показывать этот портрет, – заметил Дэниел, наклоняясь ближе и заглядывая ей через плечо.

Ее рука замерла.

– А почему, собственно? Ты же здесь не... – Нора покраснела и смолкла, не в силах договорить. Она нарисовала только голову и плечи, а Гибсон был в красивом смокинге и при галстуке. Она никогда не видела его без одежды. Конечно, обнаженных людей ей рисовать доводилось, но только мертвых.

– Любому сразу станет ясно, что я смотрю на тебя, – заявил Дэниел. – Мне повезло, что Хорас уже дюжину раз не вышиб из меня дух.

– Он замечает только...

– Он не слепой. – Дэниел указал на рисунок: – Тут сразу видно безрассудно влюбленного...

– Да ладно, ты здесь благоразумен, как всегда, – поддразнила его Нора, но Дэниел проигнорировал иронию.

– Просто заканчивай свои художества, и если на следующей неделе еще не будешь уверена в моих чувствах к тебе...

– Процесс наверняка займет больше недели. Две, а то и три, – предположила Нора, опустив глаза.

– Ну, ты просто само великодушие. – Дэниел откинулся на подушки дивана. Нора принялась рисовать быстрее, надеясь уловить серьезные морщинки вокруг его глаз. – Выходи за меня, и я спрячусь в твоём багаже. Зачем тебе столько шляп.

– Я тоже так считаю, но с миссис Фиппс лучше не спорить.

Дэниел поморщился, заерзав на сиденье.

– Ей не понравится, что я задерживаю тебя допоздна.

– А я думала, это я тебя задерживаю, – парировала Нора. – Сиди спокойно. Я еще не закончила.

– А что останется у меня на память о тебе?

– Ты же говорил, что я забываема, – пошутила Нора, нанося тень на узкую переносицу лица на портрете.

– Может, все-таки найдется что-нибудь поконкретнее...

– Минутку потерпи, – и Нора бросила на него ласковый взгляд. Он вопросительно вздернул брови. – Есть у меня для тебя картинка. Подожди.

– Да уж подожду. – И Нора поняла, что он имеет в виду вовсе не сию минуту, а те годы, которые потребуются на ее учебу. И которые пройдут до того момента, когда он снова сможет позвать ее замуж, и это отнюдь не шутка. Дэниел ведь вполне серьезно предлагал ей руку и сердце, однако девушка, хоть и с тяжестью на душе, настояла, что до ее возвращения из Италии не стоит принимать никаких решений.

Нора закончила растушевывать кармин на щеках, отложила рисунок в сторону и полезла под диван.

– Вот, – и протянула сверток. Руки у нее уже не дрожали.

Дэниел развязал веревку, развернул бумагу, но долгое время ничего не говорил.

– Ну как? – спросила наконец Нора.

– В жизни у тебя волосы посветлее, но такие же густые. Тяжелые... – Он сглотнул и поспешно продолжил: – Понятно, что ты рисовала себя сама. Посмотри, – он провел пальцем по едва заметной морщинке между бровями. – Ты, когда читаешь, хмуришься так же.

– Я попыталась изобразить себя улыбающейся...

– И получилось идеально. Меня утешит этот портрет. – Он наклонился поцеловать ее. – До твоего возвращения.

* * *

Клара закашлялась, а рука Норы, замершая на бумаге, дернулась, оставив прямо посреди замысловатой прически миссис Фиппс широкую темную полосу.

– Вы что-то сказали, мисс Пэрриш? Простите, я слишком уплыла в воспоминания.

– Я сказала, что вы, должно быть, очень скучаете по нему, – повторила Клара, сочувственно сморщив пухлое личико.

– Очень, – согласилась Нора, слишком потрясенная воспоминаниями, чтобы притворяться. Она пересекла море в поисках непредубежденности и широты взглядов, обещанных профессором Перрой, но последнее время наткнулась лишь на противодействие, а то и на открытую враждебность. В отличие от здешних мужчин, Дэниел все-таки сумел переменить свое упрямое мнение.

Под палящим солнцем белые цветы в траве сверкали, словно звезды, а над оживленно болтающим дамами разносились беспечные птичьи трели. Будь Дэниел здесь, он сейчас положил бы голову ей на колени, а она убрала бы ему волосы со лба, даже не заметив, что делает это. Ее пальцы двигались бы сами по себе, словно в надежде отыскать наконец-то любимое лицо.

– Знаете, если кто-то не захочет на вас жениться из-за вашей учености, я бы не сочла такого жениха большой потерей, – пробормотала она Кларе.

– Ну а я надеюсь, что в мире найдется еще хотя бы парочка мужчин, похожих на вашего доктора, – заметила Клара с заметным сомнением в голосе.

Нора улыбнулась. Никто не может быть похож на Дэниела в точности, но...

– Парочка? Думаю, их все-таки немного больше.

* * *

Пациентка, средних лет сестра из монастыря Падри Агостиниани, чувствовала себя несчастной не только из-за бедренной грыжи. Ярко-красная очень плотная шишка сантиметров в десять, вероятно, была весьма болезненной, однако бедная женщина сжималась от боли не меньше, чем от взглядов окруживших ее мужчин. Но доктор Барилли, проводивший демонстрацию, казалось, не замечал ее смущения.

– Поскольку явных признаков гангрены не наблюдается, мы продолжим вправлять грыжу вручную до тех пор, пока консервативные меры будут оставаться безопасными, – продолжал он, в то время как монахиня дрожала на кровати. – Прошло всего полчаса, а для того, чтобы размягчить такую набухшую грыжу, ее, возможно, придется непрерывно разминать не менее двух часов.

Вокруг кровати собралось шестеро, включая Нору. К сожалению, вылечить грыжу, прикрывая гениталии бедной монашки, было невозможно, но...

– Может, доброй сестре прикрыть ноги одеялом, – предложила Нора. – Здесь все-таки дует. – И, не дожидаясь кивка Барилли, протиснулась мимо двух других студентов и накрыла конечности сестры простыней.

– Осторожно. Меня с ног не сбейте, – фыркнул Умберто Сагезе, которому Барилли поручил первому начать равномерно растирать выпячивание, что в конечном итоге могло вернуть вылезшую кишку на место.

Нора не стала стискивать зубы, хотя очень хотелось. С тех пор, как она не самым лучшим образом помогала доктору Маренко проводить кесарево сечение, другие студенты не упускали возможности поддразнить девушку и назвать неуклюжей. И особенной рьяностью отличался как раз Сагезе, юноша очень способный, но тщеславный. Его откровенно бесили возможности, которые обеспечивал Норе ее опыт работы с эфиром.

Она сосредоточила внимание на пациентке.

– Так лучше, сестра?

Женщина судорожно кивнула, облизнула бледные губы и закрыла глаза от боли.

– Крепитесь, – призвал бедняжку Барилли и повернулся к Сагезе: – Постоянное надавливание постепенно прочистит кровеносные сосуды. Неопытный, но сильный человек примется просто мять да тискать, однако это принесет только вред. Требуется лишь мягкое надавливание и растирание. Ну как, узел уже размягчается?

Сагезе дернул головой, откидывая волосы с глаз.

– Не могу сказать, доктор Барилли. Боюсь, у меня руки онемели.

Такое вправление стоило немалых трудов и требовало не только сильных рук. Обычно двое, а то и трое медиков работали по очереди, сменяя друг друга, дабы процесс не прерывался.

– Значит, пора уступить место другому, – и Барилли окинул взором кучку студентов. Нора подняла подбородок, пытаясь поймать его взгляд. Она-то мастерски вправляла грыжи, часто работая вместе с Хорасом и Дэниелом и по часу разминая выпячивание, да и несчастной пациентке наверняка было бы спокойнее в руках женщины. Но глаза Барилли скользнули мимо нее. – Поцци, подмени Сагезе.

Нора опустила глаза. Неприятно, когда тебя игнорируют в пользу неопытного юнца, которому не исполнилось еще и двадцати. К сожалению, никакие ее действия не смогли привлечь внимание Барилли. С тех пор, как месяц назад она присоединилась к его группе, доктор ни разу не обратился к ней напрямую.

– Сагезе, каковы признаки гангрены? – спросил Барилли, обращаясь к своему любимцу, который разминал уставшие руки.

– Рвота, лихорадка, потеря сознания. Острая боль. Ущемленная грыжа становится фиолетовой или чернеет. Недавно я прочитал в английском журнале статью об успешном хирургическом вправлении грыжи после того, как растиранием вручную это сделать не удалось...

– Да-да, я читал. Результат замечательный, но... – Барилли бросил обеспокоенный взгляд на монахиню. – Возможно, это будет отличной темой для обсуждения на завтрашней лекции. Менотти, через полчаса сменишь Поцци. А пока следите за пульсом сестры Клары Сесилии. Спарано, приготовь клизму, когда грыжа уменьшится.

– Я могу что-нибудь сделать, сэр? – поинтересовалась Нора.

Тишина. Студенты посмотрели на нее, затем отвернулись. Барилли тонко улыбнулся.

– Принесите пациентке еще одну подушку. – Он сверху вниз взглянул на монахиню, и для нее улыбка стала искренней. – Я знаю, сестра, вам больно и неловко. Доверьтесь мне. Это тоже пройдет.

Упрямство подстегнуло Нору.

– Доктор Барилли! Тот случай, о котором вы с Сагезе упомянули, был описан в «Региональном журнале медицины и хирургии»?

От раздражения хирург наморщил лоб.

– Ну да. Автор, кажется, доктор Гибсон.

– Я его знаю, – сказала Нора. – У доктора Крофта он...

– Мы ждем подушку, синьорина Биди, – резко прервал девушку доктор Барилли, словно упоминание ее знаменитого наставника оскорбило итальянца. – Пожалуйста, будьте любезны не ставить собственное тщеславие выше комфорта нашей любезной пациентки.

Потеряв дар речи, с полуоткрытым ртом и пылающими щеками, Нора всмотрелась в его лицо в поисках хоть капли сочувствия, но тщетно. Развернувшись, она направилась к бельевому шкафу, где провела рукой по горящим глазам и тихо выругалась. Сердце бешено колотилось в ушах, подстрекая бросить вызов вопиющей несправедливости Барилли и накинуться с бранью на Сагезе, Поцци, Менотти и прочих, которые откровенно наслаждались ее унижением. Но постепенно сознание заполнил аромат трав, которыми были переложены простыни. Пульс замедлился, дыхание выровнялось, и остатки ярости стекли с ослабевших пальцев. Девушка прекрасно понимала, что противостояние с Барилли не поможет. Придется смириться с его презрением и ждать другого шанса. Придется также терпеть враждебность однокурсников-мужчин, которым предстояло быть ее коллегами. Возможно, завтра на лекции и удастся рассказать, что необычный способ лечения, описанный в «Региональном журнале» и так восхитивший Барилли, был ее заслугой. Что именно она предложила доктору Гибсону – Дэниелу – сделать операцию и в одиночку он бы никогда не справился.

Барилли, Сагезе и остальные, конечно же, остолбенеют от неожиданности, но так им и надо.

Глава 3

Прожив в Болонье больше года, Нора по-прежнему считала нелепым обычаем возвращаться домой на обед. Хорас Крофт, под чьей опекой она выросла, почти никогда не откладывал работу ради еды. Даже если его случалось заманить к обеденному столу, профессор обыкновенно молча жевал, поглощенный мыслями об очередном образце, который припрятал в кармане, и не стремился рассказывать о последнем пациенте или новейшей теории.

Долгие перерывы в лучшую часть дня, даже при невыносимой жаре, мешали сосредоточиться, поэтому Нора обычно довольствовалась булочкой, съеденной на площади, или чашкой кофе в комнате отдыха монахинь, пока корпела над заметками. Однако сегодня, когда сестры по всем углам шушукались о возвращении доктора Маренко, Нора с нетерпением ждала возможности удрать из больницы, уверенная, что сочувственные улыбки и торопливо отведенные взгляды означают: первое впечатление Маренко о ней уже известно всем и каждому. Из-за этого, а также из-за пренебрежительного отношения студентов Барилли девушка во всем университете не могла отыскать ни укромного уголка, ни поддержки, так что врачевать уязвленную гордость предстояло собственными силами.

Нора надела шляпку и поспешила через двор к западной двери, уставясь на пыльную брусчатку мостовой улицы Рива-ди-Рено и не замечая безупречно голубого неба. Саквояж она привыкла носить с собой – ей нравился его вес, нравилось, что треугольная форма и блестящая коричневая кожа сумки привлекают внимание прохожих, хотя сегодня он весьма болезненно оттягивал руки. Да, профессор Перра уговорил девушку записаться в университет и по-прежнему всячески помогал в учебе, но он был один такой: остальные дружно препятствовали Норе, словно она им на большую мозоль наступила.

Повернув на юг, она миновала палаццо с высокими стенами, пересекла улицу Сан-Феличе и быстро зашагала по первому же узкому проходу. Наверху безжизненно болтались бельевые веревки, а на пыльном пороге, лениво нализывая лапы, растянулась трехцветная кошка. Можно было пройти и широкими бульварами, а не узенькой улочкой, но Нора предпочитала быстрее добираться до дома, а этот путь был прямее.

В памяти всплыл голос доктора Крофта, призывавшего ее быть осторожнее, но он имел в виду опасности, подстерегающие в больничных палатах: лихорадку, переутомление, инфекцию. Нора криво усмехнулась. Крофт был слишком занят медициной, поэтому опасности, таящиеся в темных, почти безлюдных переулках, ему и в голову не приходили. И все же она часто предпочитала этот короткий путь, несмотря на возражения миссис Фиппс.

Впрочем, переулок не казался опасным. Оборванцы, мелькавшие дальше в узкой нише, были совсем юные, еще дети. Нора не могла заставить себя их бояться, хоть это, возможно, и было глупо, учитывая крайне бедственное положение болонского племени попрошаек. Но они выглядели хрупкими и маленькими, словно воробышки, прилетавшие за крошками, которые миссис Фиппс рассыпала на подоконнике.

Переулочек расширился, и Нора вышла на залитую солнцем площадь, мыслями вернувшись к больнице и к тому, как ей не удалось произвести впечатление на доктора Маренко. Дорогостоящая ошибка, особенно если учесть, какие огромные преимущества сулило привлечение доктора Маренко, влиятельной докторессы, на свою сторону. После года обучения – а особенно после нынешней недели – Нора уже была готова отказаться от попыток завоевать благосклонность Барилли, Вентуроли и других профессоров. Но с поражением от доктора Маренко справиться оказалось куда сложнее. Они обе женщины. Обе, по идее, чувствуют и думают схоже. Но доктор Маренко властная, авторитетная, красивая – такая, какой очень хотелось быть Норе, однако всех этих качеств девушке явно не хватало.

Как доктор Маренко сумела попасть в штат больницы? Пока Нора об этом размышляла, из тени дверного проема на нее с вождением уставился какой-то парень. Девушка прищурилась, всем своим видом предупреждая, что наглецу сильно не поздоровится, если он посмеет сделать хоть шаг навстречу. Ей требовался только повод выместить гнев на каком-нибудь грубияне, поскольку с Сагезе и уж тем более самим Барилли она этого, конечно же, позволить себе не могла.

Парень растерянно ступал: он-то намеревался лишь подразнить симпатичную девочку пылким взглядом. Нора же сразу вернулась мыслями к Маренко. Медицина – не тот путь, по которому женщина может пройти в одиночку; у Маренко наверняка были покровители и помощники, вроде Хораса у Норы, обучавшего ее с детства, или профессора Сальвио Перры, пригласившего девушку в Болонский университет. Ну и уж конечно, не обошлось без попечения знаменитых родителей доктора Маренко. Ни одна женщина не сможет достигнуть достаточных высот без могущественных союзников. Норе казалось, что у них с Маренко много общего и это должно бы их сблизить. Но сама докторесса, очевидно, так не считала.

Обычно даже с теми коллегами, которые относились к ней с неприязнью, Нора справлялась лучше. Переменчивый характер Хораса научил ее ладить практически со всеми. Сестры никогда на ее работу не жаловались, но они монахини, а не врачи и не хирурги. Нора ими восхищалась, но все же к их содружеству не принадлежала.

Девушка наморщила нос и нахмурилась, поняв, что недвижно стоит под деревьями, мужественно защищающими южный край площади от летней жары и пыли.

Должно быть, она слишком погрузилась в свои мысли и совершенно неосознанно поддалась соблазну хоть немного отвлечься в прохладной тени, потому и задержалась здесь, а не пошла дальше вдоль стены готической базилики, сейчас оставшейся позади. Придется вернуться на сотню ярдов. Ее ждали обед и конспекты лекций.

Нора развернулась и, шурясь от солнца, пошла обратно по своим следам к фасаду базилики, похожему на скалу. На полпути вниз по улице стоял розовый дом с белыми ставнями, развернутый фасадом к длинной стороне базилики Святого Франциска. Шириной всего в два окна, втиснутый между более крупными соседями, состоящий из трех этажей и мансарды, он ничем не отличался от многих домов в Болонье, если не считать растрепанных английских роз, которые миссис Фиппс упрямо выращивала на своем балконе рядом с обильно цветущими в горшках лилиями сорта «мадонна», более подходящими для местного климата.

Этот дом отличался чистотой, был новее средневековых зданий, окруженных знаменитыми портиками Болоньи, и находился неподалеку от анатомического театра и больницы, но еще ближе – к площади, усаженной деревьями и травой: роскошь, которую и Нора, и миссис Фиппс сочли отнюдь не лишней. Как и Лондон, Болонья была неотвратимо грязной и многолюдной, а зимой еще и холодной и сырой, но в Лондоне хотя бы имелись парки. Здесь же в центре города немногочисленная зелень попадалась только в небольших частных патио и садиках на крышах, и, уж конечно, никаких вам длинных прогулочных аллеек.

Нора скучала по Линкольнс-Инн-Филдс и зелени Риджентс-парка, но красота Красного города и его арочных портиков притягивала все больше. Ей нравилось проходить под сводами, заглядывать в магазинчики и наблюдать за людьми, которые то прятались в тени, то укрывались от зимних дождей, собираясь кучками, чтобы поделиться новостями.

Сегодня ледяные дожди казались сказочно невероятными. Нора вытерла платком вспотевший лоб и вошла внутрь. Мысли о Маренко и Барилли упрямо кружились в голове, невзирая на все старания хоть на время забыть их ехидные физиономии.

– Нора, что случилось? – Миссис Фиппс подняла глаза от столика с мозаикой – одного из немногих занятий, за которым они с синьорой Карничелли могли коротать время, не смущаясь языкового барьера.

Нора провела рукой по глазам. Она бы и хотела ответить что-нибудь утешительное, но губы не желали лгать, и девушка попыталась отшутиться:

– Представляете, я вовсе не совершенна, несмотря на все старания.

Синьора Карничелли ее слов не поняла, но заметила слезы и сочувственно нахмурилась.

Миссис Фиппс встала и подошла к воспитаннице, протянув руки.

– Конечно, ты несовершенна, – проворчала она. Вот уж чего пожилая экономка не любила, так это нянчиться. – А чего ради тебе стремиться к совершенству?

Ответ был в высшей степени разумным, однако во многих отношениях совершенство было Норе необходимо. От нее зависят пациенты. Не меньшего ждут педагоги и врачи.

– Я не могу позволить себе ошибок, – уныло ответила она. Мужчины время от времени могут себе такое позволить, но она, как единственная женщина на курсе...

– Совершенство недостижимо, – наставительно заявила миссис Фиппс. – Уж кому, как не тебе, это знать.

Нора и знала, но все равно стремилась к идеалу аккуратностью хирургических швов, четкими строчками записей. Она даже в личный дневник записывала результаты работы, сравнивая свои достижения с успехами других студентов своей группы. В этом месяце Бартоломео Поцци потерял из-за сепсиса семерых пациентов, а она только четверых. Правда, у насмешника Умберто Сагезе, мастерски владеющего и скальпелем и иглой, умерли всего трое.

Нора почесала плечо. Платье, простое и не слишком удачно сшитое, почему-то всегда натирало левую ключицу.

– Да сними эту тряпку, – поморщилась миссис Фиппс. – Она вся измялась.

Да еще и провоняла, о чем миссис Фиппс по доброте своей промолчала. Впрочем, это было ясно написано на лице синьоры Карничелли, отодвинувшейся подальше от неприятного запаха.

– Я помоюсь и переоденусь, – сказала Нора. – Но мне нужно вернуться в больницу. – И она скрылась в своей спальне, где могла без помех воевать с пуговицами. От волнения девушка стала неуклюжей и яростно боролась с туго застегнутыми манжетами, которые всегда были тесноваты. Наконец освободившись, Нора сбросила платье и осталась в нижнем белье, тяжело дыша в темноте.

В комнате стояла духота, тяжелый неподвижный воздух неприятно лип к обнаженным плечам. Нора раздвинула ставни, прогнав темноту, но жара снаружи была такой же густой, как и воздух внутри. Девушка подошла к умывальнику, где вода была хотя бы немного прохладнее кожи. От этой прохлады покалывало руки, слишком бледные и веснушчатые, на которых не лучшим образом сказывалось итальянское летнее солнце. Вытирая лицо полотенцем с запахом сирени, Нора случайно глянула на туалетный столик: там, на подносе с зеркальным дном, к щетке для волос прислонилось письмо.

Конверт по дороге испачкался, но понятно, что пришел недавно, и миссис Фиппс устроила ей сюрприз, принеся послание сюда, где Нора могла бы вскрыть его в уединении. Письмо от Дэниела, чьи размашистые буквы к концу строки всегда становились мельче, послужило именно тем бальзамом, который был ей сегодня так необходим. Нора поднесла бумагу к носу, закрыла глаза и вдохнула, но запаха Дэниела на ней, увы, не осталось. Впрочем, это даже к лучшему: после дня, проведенного в больнице или в прозекторской, от любимого наверняка пахло такой же кислятиной, как и от нее.

Она сломала печать и развернула письмо.

«Утеночек мой милый, голубка моя!» – писал Гибсон, и Нора, улыбнувшись, почувствовала, как давящая тяжесть стекает со лба и плеч. Дэниел оказался неожиданно романтичным в письмах: не перегружал страницу любезностями, но тщательно подбирал приветствия и никогда не использовал одно и то же дважды. Это, как Нора подозревала, было позаимствовано из книги, пьесы или стихотворения, которые любитель художественной литературы, без сомне-

ния, сразу бы распознал. Нора таким любителем не была, поэтому источника цитаты не знала, что не помешало ей с наслаждением читать письмо. Ласковые, нежные словечки, иногда озадачивающие, часто нелепые, а порой исполненные такого соблазна, что девушка краснела, были для нее истинным сокровищем. Откуда только у Дэниела находилось время их все отыскать или вспомнить, ведь они переписывались уже целый год, а он ни разу не повторился. Это больше любого прямого признания говорило о том, как она для него важна.

«До чего же я тебя люблю», – подумала Нора и, проверив дату в правом верхнем углу листка, принялась впитывать написанные слова:

На этой неделе у нас тут настоящее пекло. Поэтому все были счастливы, когда сегодня наконец-то пошел дождь. Я просто вяну на этой жаре, но потом вспоминаю, каково тебе приходится там, на палящем итальянском солнце, и мне становится стыдно. А как у вас насчет дождей? Ты писала, что они шли больше двух недель, вот это да, такое трудно себе представить... Сегодня я удалял пациенту огромный камень из мочевого пузыря. Мы попытались перед обычной процедурой прозондировать камень, напоив пациента успокоительным...

Нора читала дальше.

Новости любимого – и вполне обыденные, и сугубо медицинские – переносили ее на Грейт-Квин-стрит, где Дэниел и Хорас работали, спорили, урывками спали, но чаще день за днем допоздна выуживали тайны из приобретенных украдкой трупов. Она скучала по дождливым лондонским вечерам, по речному смраду, по оживленному гулу голосов, говорящих по-английски, по правильно приготовленным пряным пирогам. Мелочи, но они означали дом и мужчин, которых она объединила в собственную версию семьи.

У Норы задрожали губы. Горечь от давешней неудачи сменилась пронзительной, всепоглощающей тоской. Девушка опустила голову на руки и принялась дышать медленно и глубоко. Плакать нельзя, а то миссис Фиппс услышит.

После секундной паузы в глазах достаточно прояснилось, и она смогла читать дальше.

*В общем, не знаю, стоит ли и говорить об этом в самом конце четырехстраничного письма. Скорее всего, нет. Прости мою бестолковость: она от безумной занятости. Но это единственный известный мне способ не погибнуть от тоски по тебе. Грудная жаба грызет Хораса все сильнее, в чем он никогда не признается, поэтому моя цель – не давать ему переутомляться. Задача, скажу тебе, почти невыполнимая, но она занимает меня достаточно, чтобы хоть иногда притуплять боль от разлуки с тобой. А ты держись там, не сдавайся, и удачи тебе на курсе профессора Барилли. Ну, и шли мне побольше разных полезных заметок.
С любовью, Дэниел*

Рука с письмом безвольно упала на колени; Нора вздохнула, с некоторой грустью осознавая, что стала реагировать стереотипно. Сейчас сердце бешено заколотится, а рука потянется за носовым платком.

Нет, слава богу, что она вовсе не бесчувственна и тоскует по дому. И от любого упоминания о больном сердце Хораса желудок у нее сжимается, хотя Дэниел в письмах старательно избегает обеспокоенных интонаций. Забыв про обед, девушка подошла к письменному столу и заполнила для «милого Дэниела» три листа, описав унижения, которые ей пришлось пережить, когда Барилли со студентами обследовал грыжу у монахини, свою неловкость во время кесарева, так раздражавшую доктора Маренко, и заманчивую возможность научиться выполнять такую операцию самостоятельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.